

Вокруг воцарилась тишина, нарушаемая лишь безумным смехом девушки.

Последний человек легко похлопал Сяо Ли по плечу.

Сяо Ли резко обернулась.

А-Ци улыбнулся:

— Наконец-то, осталась только ты...

В полузабытьи Сяо Ли вспомнила, что та одноклассница, которая покончила с собой, была очень красивой.

Прямо как А-Ци.

Сяо Ли, нет, теперь её, пожалуй, стоило называть госпожой Ли.

Госпожа Ли никогда не забудет тот день.

С тех пор как в школе участились случаи прыжков из окон, эта волна самоубийств превратила учебное заведение в кипящий котел.

Когда-то госпожа Ли даже бросила кому-то:

— Если бы мы могли просто столкнуть кого-нибудь вниз, нам бы дали выходной, правда?

Позже ввели правило о снятии баллов за самоубийства, и учителя, трясаясь над своими премиями, были готовы привязать учеников к стульям.

А потом, под бесконечные лозунги о том, что жизнь можно прожить много раз, а экзамен — только один, в их классе кто-то сломался.

Их староста, отличница, девушка с блестящим будущим, всегда улыбалась, и одним своим видом вселяла в окружающих бодрость.

Никто не ожидал, что именно она сдастся первой.

Госпожу Ли можно было назвать подругой старосты. Она до сих пор помнила, как прошептала ей тогда на ухо:

— Если не можешь больше терпеть, просто прыгай, хоть отдохнем пару дней.

Только сейчас до госпожи Ли дошло, что у старосты и А-Ци была одна фамилия.

— Но я же ничего ей не сделала! Она сама была такой неженкой, кто виноват? — госпожа Ли нервно рвала на себе сухие, безжизненные волосы. Мелкие морщинки в уголках её глаз словно лопнули, и из них потекла зловонная кровь.

— ...Правда? — А-Ци внезапно рассмеялся, и от этого смеха повеяло холодом. — Где ты была в ту ночь, когда умерла моя сестра?

Госпожа Ли сглотнула, пытаясь вспомнить.

Затем она усмехнулась:

— Я даже не помню, когда именно она сдохла, а ты спрашиваешь...

А-Ци сжал кулаки так, что короткие ногти впились в ладони, на тыльной стороне рук вздулись вены, а глаза налились кровью. Он готов был ударить её.

Шел дождь. Вода стекала по ржавым железным воротам, впитывая ржавчину, и воздух пропитался тошнотворным запахом металла, который, казалось, застревал в горле.

— Хорошо, я скажу, я всё скажу!

Госпожа Ли была намертво привязана к ржавому стулу. На руках, шее и ногах проступили красные полосы и капли крови.

Она произнесла с насмешливой жалостью:

— Она сама говорила, что не хочет жить. Я просто помогла ей, что в этом такого? Она должна быть мне благодарна, что я отправила её вниз.

А-Ци не выдержал и ударил её по лицу.

Госпожа Ли, видимо, осознав, что ей не выжить, начала нести всё подряд, смеясь хриплым, визгливым смехом:

— Она заслужила это! Единственное, что она сделала полезного — это подарила нам каникулы. Что с того, что я её столкнула? Ты считаешь её святой, а меня отбросом? Даже если я грязная и никчемная, я дожила до этого дня! А она?

Госпожа Ли выплюнула кровь вместе с осколками зубов.

— Ты, наверное, не видел, что там было. Похоже на первого самоубийцу, только еще грязнее! Кишки словно вывалились, как скакалка. Всё в крови, а она еще визжала, когда летела вниз! Белое, красное... глаза, кажется, лопнули... кости превратились в труху и смешались с мясом. Прямо как на бойне, где плохо разделали тушу. Противно до тошноты.

Лицо А-Ци не выражало ничего, хотя на щеку брызнула грязная кровь.

Он бережно достал бумажную салфетку, вытер лицо, бросил её на пол и с остервенением растоптал.

— Думаешь, ты умрешь? Как те грешники? — А-Ци улыбнулся. — Не бойся, дорогая, я не позволю тебе так легко уйти. Твоя кровь ужасно грязная, но я позабочусь о лечении. Ты будешь сопровождать меня вечно.

Прозрачная жидкость влилась в вену, и женщина быстро провалилась в забытие.

А-Ци посмотрел на луну за окном — такую круглую и ясную, что невооруженным глазом были видны кратеры.

Точно такую же, как в тот день, когда ушла сестра.

— Сестренка, ты смотришь? — А-Ци нервно рассмеялся. — Я стал врачом. Ты рада? Я избавился от всей скверны. Когда ты вернешься?

Сцена отдалилась, словно захлопнулась дверь.

Фильм закончился. Зрители начали расходиться. Ши Ци поднялся со своего места, но Ли Инь схватил его за запястье.

— В сети пишут, что у этого фильма есть сцена после титров. Не хочешь посмотреть?

Ши Ци, покусывая трубочку от чая с молоком, немного подумал и кивнул, снова садясь в кресло.

Ли Инь посмотрел на их сцепленные руки и довольно улыбнулся.

Пусть фильм и не был страшным, но он чувствовал, что Ши Ци стал вести себя с ним гораздо естественнее.

— Жизнь можно прожить много раз — экзамен только один — раздался голос из колонок.

— Единственный ваш путь — это экзамены! Не сдадите — жизнь пойдет под откос! — учитель ударил указкой по ладони.

— Как ты мог получить такой балл? Ты не уважаешь ни меня, ни те деньги, что мы тратим на тебя! — резкий голос самого близкого человека в этом мире резал слух.

— А что еще остается? Учиться до смерти, — одноклассник поправил очки, его тело казалось таким же тонким, как бамбуковая палка.

Звонок с урока. Учитель постучал костяшками пальцев по доске:

— Не двигаться! Я еще не отпускал вас, чего вы суетитесь? Хотите есть? В такое время о еде думают только идиоты! А ну, выстроились в очередь, буду проверять работы. Кто не успеет — останется голодным, дармоеды.

Их юность, которая должна была быть полна солнца, оказалась заперта между листами бумаги высотой в человеческий рост. Но что поделать? Мы пытались найти будущее в этой безнадежности.

Это был лучший способ, но как же это больно...

— Уже не выдержишь? А как ты собираешься работать? Сначала горечь, потом сладость. Посмотри на детей других людей, а потом на себя. Разве мы в чем-то тебе отказывали? Почему ты так на меня смотришь? Ненавидишь? У тебя нет никакого права ненавидеть! Я родила тебя, вырастила, желала добра, и я еще не права?

...

— Но экзамены — не единственный путь. Возможно, самый простой, но... Что, если ты не хочешь? Или не можешь?

Жизнь никогда не должна состоять из одной дороги. Быть изгоем в этом мире сложно, но чертовски интересно.

Юность должна быть дерзкой. У каждого есть право выбрать свой путь и нести за него ответственность.

Возможно, у каждого ребенка есть мечта — вырастить прекрасный цветок на бесплодной, исхоженной земле.

Видишь ли ты следы предшественников на этой ухабистой дороге?

Ничего страшного, если не видишь. Не паникуй, если провалился. Хотя никто не сможет полностью понять твою боль, даже в болоте всегда есть шанс на спасение.

Будущее еще прекрасно. Можно поплакать. Если ты не можешь решить проблему прямо сейчас — это нормально. Никто не плачет для того, чтобы решать проблемы.

В конце концов...

Жизнь коротка, почему бы не попробовать?

<http://bllate.org/book/22219/2317907>